

Фан Наньшань рисовал себе радужные картины, но Сюй Шэнъи не спешил соглашаться.

Он мягко возразил:

— Я сегодня действительно очень устал. Давай будем считать, что брачная ночь уже состоялась, а попробуем завтра.

Фан Наньшань тут же перестал стягивать рубаху.

В самом деле, за сегодняшний день на них столько всего свалилось, что усталость была вполне объяснима.

— Ну... тогда отдыхай сегодня. Попробуем завтра, я обещаю – завтра точно всё получится.

Сюй Шэнъи не сдержался и рассмеялся, глядя на то, с каким серьезным видом Фан Наньшань давал это обещание.

Тот, увидев смех супруга, и сам заулыбался. В эту брачную ночь новобрачные изрядно переполошились.

Вместо того чтобы спать в такой поздний час, они сидели в комнате и весело смеялись.

А-Юань, дежуривший у дверей, даже испугался, не ослышался ли он.

Ведь его молодой господин редко когда улыбался.

А уж чтобы так открыто, от всей души хохотать – такого и вовсе не припомнить.

А-Юань подумал, что новый зять молодец – лихо умеет зубы заговаривать и людей радовать.

Разве что ест больно много.

Сюй Шэнъи посмеялся вволю, и остатки сна как рукой сняло.

— Присядь рядом, поговорим.

Фан Наньшань с улыбкой пододвинулся.

А затем, набравшись наглости, добавил:

— Муж, ты такой красивый.

Сюй Шэнъи прищурился от удовольствия:

— Ты тоже статный. Управляющий Ван говорил, тебе в этом году исполнилось девятнадцать?

В тот день, когда он бросал расшитый шар, Сюй Шэнъи расспрашивал обо всем подробно, но вот про возраст совсем забыл спросить.

Он и представить не мог, что этот здоровяк окажется на три года младше него самого.

Фан Наньшань кивнул:

— Да, мне девятнадцать. Только все говорят, что я быстро повзрослел, с виду мне все двадцать девять дашь.

Сюй Шэнъи покачал головой:

— Ну где же тут двадцать девять? Просто черты лица суровые, это придает тебе весу и солидности.

Фан Наньшаню такие речи были в радость.

— Муж, а ты и на двадцать не выглядишь. Скажи ты мне, что тебе семнадцать-восемнадцать, я бы и то поверил.

Так они и сидели друг против друга, обмениваясь похвалами.

Недавняя неловкость окончательно забылась.

— Я слышал от управляющего Вана, что твоя бабушка больна?

Сюй Шэнъи знал подноготную Фан Наньшаня.

Знал, что в семье их трое детей, а отец – человек никчемный.

Матушка тоже была слаба здоровьем и отошла в мир иной несколько лет назад, так что теперь братья и сестра жили под крылом бабушки.

— Да, бабушка болеет уже больше полумесяца. Старость – она такая, вечно что-то болит да ноет.

Болезни стариков всегда требуют уйму денег, а до конца их всё равно не излечить.

— У тебя ведь есть ещё младшая сестра? Слышал, она со старшим братом поехала в уезд к лекарям?

Фан Наньшань кивнул:

— Сестренка у нас слабенькая от рождения. Все эти годы мы с братом, как только лишний медяк появится, возим её повсюду к врачам. Денег извели уйму, а толку чуть.

Сюй Шэнъи, заметив, как тот печется о близких, решил ударить по самому дорогому.

— Завтра я велю управляющему Вану всё устроить. Перевезем твою бабушку в городок, здесь ей будет покойнее.

Сюй Шэнъи считал, что такого привязанного к семье мужика проще всего привязать к себе через его родню.

Но Фан Наньшань, не задумываясь, отказался:

— Не стоит, я уже всё устроил. Дома братья присмотрят, да и старший через пару дней должен вернуться.

Сюй Шэнъи помедлил и предложил снова:

— Тогда я пришлю кого-нибудь в столицу, пусть привезут лекаря осмотреть сестру.

Фан Наньшань и не чаял, что супруг будет так внимателен, но всё же отклонил предложение:

— В этом тоже нет нужды. У нас с братом всё под контролем, не забивай себе голову этими заботами.

Сюй Шэнъи опешил. «Неужели не удалось к себе расположить?», – подумал он.

Немного поразмыслив, он добавил:

— Ну, в будущем, если дому что-то понадобится, только скажи. Мы теперь супруги, единое целое. Твоя семья – моя семья, и помогать им – мой долг.

Сюй Шэнъи знал, что красивые слова всегда идут на пользу.

И они действительно запали Фан Наньшаню в душу.

Особенно это «супруги, единое целое».

Тот просиял, расплывшись в улыбке:

— Муж, какой же ты всё-таки хороший человек, душа у тебя золотая.

Сюй Шэнъи слегка изогнул бровь. Неужто подействовало?

Решив прощупать почву дальше, он спросил:

— Есть ещё кое-что, о чем я хотел спросить, да только не знаю, удобно ли это.

Фан Наньшань тут же ударил себя кулаком в грудь:

— Мы же единое целое! Нет ничего такого, о чем бы ты не мог у меня спросить.

Сюй Шэнъи мягко поинтересовался:

— Почему твои домашние не приняли приданое зятя?

Фан Наньшань на миг замер, соображая.

— Муж, а ты хитер, ловко меня на разговор вывел.

Сюй Шэнъи лишь загадочно улыбнулся, ничего не ответив.

Фан Наньшань и не собирался ничего скрывать.

Раз уж вопрос задан, надо отвечать честно.

— Мы с бабулей решили, что я заберу приданое с собой. Боялись, что дома на него кто-нибудь позарится.

Фан Наньшань поднял глаза и, встретив мягкий взгляд Сюй Шэнъи, продолжил:

— В доме нас не четверо. Есть ещё папаша, беда наша. Он игрок, давным-давно всё хозяйство по ветру пустил. Как мы с братом окрепли, так и выставили его вон, но он нет-нет да и заявится, нервы мотать. Проведай он про такие богатства – в лепешку расшибется, а выкрадет, чтобы в кости спустить.

Сюй Шэнъи понял, что тот не лжет, и кивнул:

— Понимаю. Но не беспокойся: раз уж приданое здесь, оно принадлежит только тебе, никто на него руку не наложит.

Но Фан Наньшань возразил:

— Мне оно не нужно. Всё тебе отдам.

Сюй Шэнъи изумился:

— Если всё это добро в серебро перевести, выйдет не меньше сотни лянов. Мог бы продать, сестру подлечить.

Оттого что муж пекся о его делах, на сердце у Фан Наньшаня потеплело.

— Отец мой – мерзавец. Когда мама сестру рожала, всё до последнего медяка на игру выгреб. После тех тяжелых родов матушка совсем занемогла, а сестренка хворой родилась. На одни отвары уйму денег каждый год тратили. Мама ради нас троих из последних сил тянула, за день до смерти ещё пряжу на продажу готовила.

Сюй Шэнъи помрачнел.

Фан Наньшаню было больно вспоминать о матери. Он утер глаза и продолжил:

— Семью содержать нелегко. Мы с братом жили рвали, чтобы просто на еду хватало. Когда-то матушка и бабушка тоже из кожи вон лезли, чтобы меня вырастить.

Сам Сюй Шэнъи ласки родных почти не знал, но от рассказа Фан Наньшаня и у него на душе стало скверно.

Он подумал, что Фан Наньшань, по крайней мере сейчас, кажется достойным человеком.

Видя покрасневшие глаза мужа, он подумал, что тот ещё совсем молод.

Раз даже чувств своих скрывать не умеет.

Глядя на его поникшую голову, Сюй Шэнъи невольно похлопал его по плечу.

— Твоя мать и бабушка – великие женщины. Они не просто вырастили вас, но и воспитали такими хорошими людьми.

Сюй Шэнъи понимал: то, что братья не пошли в отца, заслуга исключительно женщин.

— Да, мама была труженицей, а бабушка ещё и грамоте обучена. Они всегда говорили: надо жить по совести. Если человек внутри прямой, то и с пути не сойдет, не станет людей обманывать или притворяться.

Сюй Шэнъи очень натянуто кивнул:

— Верные слова.

Фан Наньшань потер лицо и снова с улыбкой посмотрел на Сюй Шэнъи.

— Только вот насчет того, что я в примачи пошёл, я с братом не советовался. Как узнает – точно взбучку задаст.

С этими словами он бесцеремонно сгрел ладонь Сюй Шэнъи в свою.

— Муж, если брат меня колотить начнет, ты уж заступись за меня.

Сюй Шэнъи важно кивнул:

— Хорошо, я тебя в обиду не дам.

Казалось, супруги беседуют душа в душу, но на деле один лишь притворно поддакивал, а другой уже выложил сердце как на ладони.

Они проговорили до вторых петухов и легли спать только под самое утро, когда силы окончательно их покинули.

Сон был крепким.

Солнце стояло уже высоко, а в покоях новобрачных было тихо.

Несколько любопытных наложниц пытались было подкрасться и подсмотреть, что там происходит.

Но не успели они дойти до дверей западного двора, как Сюй Синцай всех их согнал в восточный.

На самом деле Сюй Шэнъи давно проснулся.

Многолетняя привычка брала свое: во сколько бы он ни лег, просыпался всегда вовремя.

Но сегодня вставать совсем не хотелось.

Во-первых, Фан Наньшань так крепко спал, обхватив его руку, что пошевелиться было трудно.

Во-вторых, после вчерашних откровений Сюй Шэнъи даже не знал, как теперь смотреть этому детине в глаза.

В-третьих, он знал, что сегодня во дворе полон дом народу – все прихлебатели его отца были в сборе.

Ему претила эта суеда и лишний шум.

А теперь добавилось ещё и нежелание, чтобы эти люди глазели на Фан Наньшаня и обсуждали его.

Однако солнце поднималось всё выше, и Сюй Шэнъи понял, что вечно лежать не получится.

— Наньшань, уже поздно, пора вставать.

Фан Наньшань, пережив вчера столько волнений и проговорив с супругом до рассвета, спал без задних ног.

Сюй Шэнъи позвал его несколько раз, прежде чем тот пробормотал спросонья:

— Встаем? Который час? Свиней уже кормили?

Сюй Шэнъи высвободил руку из его объятий.

Сдерживая смех, он ответил:

— Солнце уже в зените, кабаны небось от голода всю визжат.

Услышав про голодных свиней, Фан Наньшань мигом распахнул глаза.

Лишь когда перед взором предстали ярко-красные пологи кровати, он пришёл в себя.

Фан Наньшань смущенно улыбнулся Сюй Шэнъи:

— Спросонья совсем забыл, что женился.

Сюй Шэнъи размял затекшую руку:

— Раз очнулся, вставай скорее. Отец ещё дома, нужно пойти проявить почтение, поздороваться утром.

Фан Наньшань мигом кубарем скатился с кровати.

— Да-да, верно. В знатных домах по утрам положено кланяться старшим.

Сюй Шэнъи сел на край кровати и, видя его спешку, успокоил:

— Ничего страшного. В этом доме я хозяин. Можешь хоть до полудня дрыхнуть – никто и слова против не скажет.

Фан Наньшань, слыша такую защиту, довольно зачесал затылок.

Со вчерашнего дня Сюй Шэнъи ни разу не посмотрел на него, деревенского мужика, свысока и ни в чем не упрекнул.

Даже сказал, что они теперь единое целое.

Фан Наньшаню стоило об этом вспомнить, как на лицо напознала довольная улыбка.

— Муж, давай я тебе туфли надену.

С этими словами он присел перед Сюй Шэнъи, потянувшись за чулками и обувью.

Сюй Шэнъи хотел было остановить его, но тут дверь распахнулась.

Это был А-Юань.

Он караулил у дверей и, услышав в комнате возню, принес горячую воду.

Кто же знал, что, войдя, он увидит, как новый зять на корточках обувает их молодого господина.

А ведь А-Юань прекрасно помнил: молодой господин терпеть не может, когда к нему прикасаются.

Он замер на пороге и поспешно заговорил:

— Доброго утра молодому господину и зятю! Простите мою дерзость, забыл постучать, прежде чем войти.

Сюй Шэнъи смерил его взглядом.

«С каких это пор ты в мою комнату со стукомходишь?», – подумал он.

— Здесь прислуживать не нужно. Вели на кухне приготовить на завтрак что-нибудь легкое.

— Слушаюсь, господин, — А-Юань поставил таз и, сияя улыбкой, выскочил вон.

К тому времени как супруги оделись и умылись, завтрак уже стоял на столе.

Сюй Шэнъи ел всегда мало: пара глотков каши с красными бобами и немного закусок – вот и вся его трапеза.

Фан Наньшань, заметив, что тот отложил палочки, едва пригубив чашку, заметил:

— Муж, ты уже наелся? Что ж так мало-то?

Сюй Шэнъи отхлебнул чаю.

— У меня всегда такой аппетит. Если ты голоден – ешь вволю.

Фан Наньшань махом осушил чашку каши.

— Вот поэтому ты такой худенький. Мне всего этого стола и на ползуба не хватит.

О том, что у мужа зверский аппетит, Сюй Шэнъи узнал ещё вчера.

— Тогда доедай всё, что есть. Если мало – велим ещё приготовить.

Фан Наньшань уплетал пышки одну за другой:

— Не надо, поедим по-быстрому да пойдем к господину Сюю поздороваться, а то и впрямь обед скоро.

Сюй Шэнъи наблюдал, как тот методично уничтожает запасы на столе.

И почему-то ему показалось, что блинчик в руках мужа выглядит на редкость аппетитно.

Фан Наньшань проглотил последний кусок и вытер рот.

— Наелся, муж. Пойдем.

Сюй Шэнъи с улыбкой кивнул.

— Идем в восточный двор. Только вот когда увидишь отца, не смей называть его «господином Сюем».

Фан Наньшань закивал:

— Точно-точно. Мы же единое целое, значит, мне его тоже батей кликать надо.

Сюй Шэнъи услышал в его голосе искреннюю радость.

И сам невольно заулыбался.

Так они, переговариваясь, дошли до восточного двора.

Как только они переступили порог, десятки глаз разом уставились на них.

Фан Наньшаня аж передернуло от таких взглядов.

Сюй Шэнъи же бровью не повел – он к этому привык.

Игнорируя лишних людей, он поклонился Сюй Синцаю:

— Почтение отцу.

Заметив, что Фан Наньшань замялся, Сюй Шэнъи легонько потянул его за край одежды.

Тот опомнился и тоже поклонился:

— Батя, доброго утра вам.

Сюй Синцай с улыбкой замахал руками:

— Проходите, садитесь. Свои люди, к чему эти церемонии.

Фан Наньшань заулыбался, подумав, что господин Сюй весьма душевный человек.

Он уже хотел было что-то веселое сказать, но обернулся и увидел, что лицо Сюй Шэнъи стало холодным как лед.

У Фан Наньшаня сердце в пятки ушло.

«Почему мой муж такой хмурый?», – мелькнуло у него в голове.

Ведь только что они так весело болтали.

<http://bllate.org/book/19020/1869918>